

Антонина Хлебникова-Искандер

«Я выходила замуж за поэта...»

Решившись составить для издания сборник стихов Фазиля Искандера, я сначала просто хотела одного: напомнить читателям, что он не только великолепный прозаик — заслуженно широко известный и у нас в России, и в мире (около сотни книг издано за рубежом), — но и большой, сильный поэт. И вдруг при отборе стихов я столкнулась с проблемой невозможности что-то выбрать, а что-то «утаить» от читателя. Я не могла найти четких критериев отбора. При всем разнообразии тематики стихи эмоционально равно захватывали и не отпускали, не уступая друг другу — малые ли, большие, поэмы, баллады... Наконец я решила взять за основу выбора следующее.

Во-первых, представить те стихи, которые Фазиль сам читал со сцены или в дружеских застольях.

Во-вторых, включить в сборник стихи, которые много лет исполнял в своих программах наш друг, прекрасный чтец, народный артист России Рафаэль Клейнер. Вот, например, «Ода всемирным дуракам», как без нее обойтись:

Дурак — он разный. Он лиричен,
Он бьет себя публично в грудь.
Почти всегда патриотичен,
Но перехлестывает чуть...

Клейнер превосходно читал «Христос предвидел, что предаст Иуда», «Толпа», «В давяльне», «Кувшины», «Камчатские грязевые ванны», «Лежбище котиков» и др. — все это вошло в книгу.

В-третьих, убедившись в бескомпромиссности, даже смертельной жесткости, трагичности больших поэтических вещей Искандера, я решила представить только одну из них — «Балладу о свободе».

Эта страна, как огромный завод,
где можно ишачить и красть.
Что производит этот завод? Он производит власть.

И как бы в противовес ей дать одну светлую — необычную, оригинальную поэму о ребенке «Малыш, или Поэма света». Смею заверить, ни один мужчина-поэт этой

темы никогда не касался. Не осмеливался даже к ней подступиться. (*«Да славится в любом доме щебечущий цветок ребенка».*) Тем неожиданней, что за нее взялся такой брутальный, «громкий» поэт, как Фазиль Искандер, — он и в этом уникален.

Так женщина после всего
Ласкает близкого тихонько.
Мужчина думает — его.
Она ж, не зная ничего,
Уже — грядущего ребенка.

И наконец, в-четвертых: я включила в сборник переводы Фазиля из Редьярда Киплинга — «Балладу о Западе и Востоке» и «Заповедь». Здесь, я думаю, требуются пояснения. Тема Запада и Востока для Фазиля была глубинно, потаенно очень значимой. В Фазили загадочно, чудесным образом слились воедино его абхазско-персидское происхождение и русская культура — естественно, включающая в себя не только русскую, но и западную классическую, да и современную литературу. Частенько перечитывая Киплинга (в прекрасных переводах, как у нас в стране было принято: лучшие литературные переводчики в мире — наши), Фазиль вслух декламировал свою любимую поэму в самом распространенном у нас переложении Елизаветы Полонской: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут. Пока не предстанут небо с землей на Страшный Господень суд...». Со временем Фазиль стал довольно упорно изучать английский. Несколько лет занимался по пластинкам, со словарем углублялся в английский подлинник. Стало ясно, что его что-то перестало устраивать в переводе поэмы Киплинга. И наконец он сам взялся за эту работу. Объяснил так: существующий перевод по сравнению с подлинником слишком спрямлен и «по-женски проглажен». «Тут нужно больше жесткости, корявости, прямоты вплоть до грубости». Похоже, тогда он и написал в своей тетради: «По высочайшей аккуратности текста угадывается подлог». Переведя поэму по-своему, Фазиль часто и охотно читал ее вслух — и наедине с самим собой, и для слушателей. «Пока души не вывернет, как потроха, Всевышний на Страшном суде» — это уже совсем не по-женски, согласитесь.

А затем Фазиль перевел и единственное выбранное им из Киплинга стихотворение — «Заповедь». По сути, это его

собственные мысли, его кредо. Вот концовка:

Умей с толпою говорить не опросясь,
Не мельтеша — беседовать с царем.
Жить, даже дружбою не слишком обольщаясь,
Чтобы не слишком горевать потом.
Жизнь, как дистанция, уходит, голубея.
Ты понял всё? Так начинай забег!
Ты миром овладел, собой владея,
И более, мой сын, ты — человек!

Когда наконец и у нас во время перестройки появились в печати «Кролики и удавы», критики наговорили много всякого, изыскивая источники. Мол, это Оруэлл, антиутопия, «Скотный двор», то-се... А это же Киплинг и его джунгли...

После всех перечисленных соображений о составе этой книги добавлю, что стихи даются не в хронологическом и не в тематическом, а в вольном, почти случайном порядке. Так любил Фазиль. Сам он под стихами дат не ставил. И считал, что при чтении лучше не уходить в однотемность, а переключаться.

И еще одно мое личное решение: первым в книге я поставила стихотворение «Язык», в котором Фазиль с таким спокойным достоинством объясняет свое присутствие в русской литературе.

Не материнским молоком,
Не разумом, не слухом,
Я вызван русским языком
Для встречи с Божьим духом.

Чтоб, выйдя из любых горнил
И не сгорев от жажды,
Я с ним по-русски говорил,
Он захотел однажды.

О самочувствии инородца в чужой среде Фазиль написал однажды очень трагическое и искреннее стихотворение. Оно вырвалось у него буквально из глубины души. Это было настолько личное, исповедальное, что он даже избегал читать его вслух. А уж о публикации нечего было даже и мечтать.

Защемленная совесть России,
Иноверец, чужой человек,
Что тебе эти беды чужие,

Этот гиблый пространства разбег!
Что тебе от Москвы до Тибета —
Ледовитый имперский простор?
Что тебе это все?
 Что тебе-то?
Этот медленный мор, этот вздор?
Что тебе это мелкое злобство,
На тебя, на себя, эта ложь?
Как вкусившего сладость холопства
Ты от сладости оторвешь?
Что тебе эти бедные пашни,
Что пропахли сиротским дымком,
Что тебе эти стены и башни,
Цвета крови, скрепленной белком?
Что тебе? Посмотрел и в сторонку.
Почему же, на гибель спеша,
В ледовитую эту воронку,
Погружаясь, уходит душа...

А потом Фазиль придумал, как этот стих можно опубликовать — он назвал его «Кюхельбекер».

Меня часто спрашивают: так он прозаик или поэт? У него есть замечательное стихотворение «Дедушкин дом». Я помню, что в первой рецензии на его стихи, которую написал для «Литгазеты» Евгений Винокуров, было замечено, что Искандер стихи перенасыщает, что он чрезмерен для поэзии. У него рождаются слишком обильные образы и в результате он грешит некоторыми длиннотами. И, как ни странно, Фазиль согласился. Он и сам чувствовал, что в нем торкается проза. Он же прозы не писал — я замуж выходила за поэта! Он институт кончал как поэт, и в Союз писателей вступал как поэт, у него вышли две поэтические книжки.

И я хорошо помню, как у Фазиля окончательно созрела готовность писать прозу. Он купил в букинистическом книгу Бабеля, (по сей день стоит на полке над его письменным столом — зачитанная, замусоленная). И когда он стал читать Бабеля, он вдруг открыл что-то и в себе — как будто нашел свою дорогу. Он писал потом, что понял: проза может быть поэзией. Его привлекал и яркий южный колорит Бабеля, и его юмор. Эта проза, можно сказать, его просто оплодотворила. И он написал свой первый рассказ «Петух». «С детства меня не любили петухи. Я не помню, с чего это началось, но, если заводился где-нибудь по соседству воинственный петух, не обходилось без кровопролития». Он написал, посадил меня

за машинку, я печатала, смеялась и просто запоминала каждую фразу. Как стихи. Вот так он стал писать свою прозу. Видно, она давала дополнительный простор для природной его философичности, образности, она вмещала больше, чем стихи.

Стихи отошли на второй план. К ним он обращался, когда у него случались простои. Проза ведь требует большого наката, океанского. А стихи могут быть и горными ручейками. В Доме творчества в Коктебеле, куда мы очень любили с ним ездить, в этой волошинской культурной ауре Фазилю хорошо работалось. В Абхазии, между прочим, он не писал — он там впитывал, напивался. В его стихах многое связано с Абхазией, и эти стихи — самые жизнеутверждающие: «Кувшины», «В давяльне», «Парень с мотыгой», «Парень с ястребом»... А вот сидеть за машинкой в Абхазии он не мог. Один раз только мы туда приехали с машинкой, а потом даже и не брали. А в Коктебель — всегда с машинкой. Там он занимался переписыванием, перепечатыванием прозаических вещей.

Это еще одна важная особенность его работы. Внешне-то он был такой открытый, часто веселый, можно было предположить, что он предпочитает застолья и всяческие посиделки... А как вспомнишь, какие глыбы он минимум по четыре раза перепечатывал и при этом не просто редактировал, а дописывал, расширял, расцветчивал, наращивал объем... «Козлотура», к примеру, он написал сначала как рассказ страниц на сорок, а потом при перепечатках он разросся в повесть на сто двадцать страниц.

Стихи он сначала шагами выхаживал, потом записывал рукой, только потом подходил к машинке. Во всех квартирах, где мы жили, в местах, где он разворачивался на пятках, когда он по диагонали пересекал кабинет, пол был вытерт. Мысли, которые его особенно задевали, буквально ранили — их он часто выражал именно в стихах. Это обычно случалось в периоды упадка, когда он ходил душевно раненный, скажем мягко — от неурядиц, связанных чаще всего с прохождением его вещей в печать. Потом эти выхоженные поэтические «формулы» могли быть вмонтированы в какую-нибудь прозаическую вещь, в «Сандро», например, — но это потом. Сначала стихи. Поэтому они и содержат не самые легкие его мысли, не самые «жизнепрятельские» (слово Фазиля из «Малыша»).

На рубеже семидесятых-восьмидесятых, когда он писал свои поэмы, у него было особенно тяжелое состояние.

Он отдал в «Новый мир» своего «Сандро», но напечатан был, как он говорил, обглоданный вариант. «Я чувствовал, будто позволил отрезать руки-ноги своему ребенку» — я помню эти его слова. И он решился — через Льва Копелева отдал роман в «Ардис», и американцы напечатали его полностью. После чего настало предгрозовое затишье, которое он очень остро ощущал, ожидая каких-то расправ. Но начальство пребывало в замешательстве. И тут грянула история с «Метрополем». Его пригласили участвовать и стать членом редколлегии альманаха. В «Метрополе» вышли две вещи Фазиля — «Возмездие» и «Маленький гигант большого секса». Я к этой истории отнеслась неоднозначно. Мне казалось, что Фазиль, во-первых, как-то растерянно растворился в общем деле. А во-вторых, я видела, что у него пошел откат — он очень тяжело начал внутренне переживать все случившееся. И мне надо было всеми силами помогать Фазилю хоть как-то поддерживать душевное и жизненное равновесие в условиях раскачки — от эйфории сначала до полной мрачности затем. Но теперь я иногда благодарно думаю, что весь этот общий грандиозный «метропольский» скандал помог ему (да и начальству) избежать его личного, конкретного скандала из-за ардисовской публикации «Сандро из Чегема».

Как у нас говорится — нет худа без добра. Фазиль начал тогда писать свои мрачные, трагичные стихи и поэмы — «Паром», «Баллада о свободе» и другие. А затем, по мере обретения прежнего «жизнестояния», он взялся за переводы из Киплинга, потом пошли «Кролики и удавы» и далее — стихи, в том числе светлые, вплоть до «Поэмы света». Душевное и жизненное равновесие в конечном счете победило. В полном соответствии с его собственным утверждением: «Жизнь сама себя защитит».

Фазиль Искандер всегда был отдельным, особенным, ни на кого не похожим писателем. И стихи у него были совершенно отдельные, свои. Он и к знаменитым, гремевшим тогда шестидесятникам-поэтам не мог примкнуть. Они все были все-таки ближе к эстраде, к артистизму, к публичному общению с залом. У Фазиля этого не было. На пару больших поэтических вечеров его сначала приглашали, но потом перестали — он очень выбивался из ряда. Он с какой-то народной, первозданной прямоотой доносил своим сильным голосом (какого, кстати, ни у кого из них тоже не было) самые серьезные мысли. На фоне поэтов-шестидесятников он был чужероден, это всем было ясно, они взаимно разошлись. А вот в музеях — Герцена, Серебряного века —

он любил читать. Туда приходила публика, которая понимала, что ее ожидает не эстрадное представление, а серьезный разговор. Он любил и умел читать свои стихи. После его исполнения они отлично запоминались — не с листа, а именно с его «шаляпинского» голоса.

В «Балладе о свободе» есть такие строки: «Свобода сама играла во мне, как юмор и как вино. Я улыбаться учил страну и в первый миг сгоряча даже в Кремле улыбнулся один — и схлопотал строгача». Никто уже не вспомнит, кто там в Кремле пострадал из-за Фазиля Искандера, а вот то, что он научил страну улыбаться, — это осталось с нами, с теми, кто его читал, любил и до сих пор читает и любит.

Стихотворения и баллады

ЯЗЫК

Не материнским молоком,
Не разумом, не слухом,
Я вызван русским языком
Для встречи с Божьим духом.

Чтоб, выйдя из любых горнил
И не сгорев от жажды,
Я с ним по-русски говорил,
Он захотел однажды.

ЕЖЕВИКА

С урочищем зеленым споря,
Сквозь заросли, сквозь бурелом,
Река выбрасывалась в море,
Рыча, летела напролом.

А над рекою камень дикий,
Но даже камень не был пуст.
В него вцепился ежевики
Расплющенный зеленый куст.

Почти окованный камнями,
Он молча не признал оков,
Своими тонкими корнями
Прожилья камня пропоров.

...Не без опаски, осторожно
Я ветку тонкую загнул
И гроздь ягоды дорожной
Тихонько на ладонь стряхнул.

На солнце ягоды горели,
Голубоватые с боков,
Они лоснились и чернели,
Как лак на панцире жуков.

...Ты человек. Но поживи-ка!
И выживи. И много дней
Живи, как эта ежевика,
Жизнь выжимая из камней!

ДЕТИ ЧЕРНОМОРЬЯ

Эй, барабанщики-банщики! Эй, трубачи-трубочисты!
Сказочники, обманщики, фокусники, артисты,
Старатели, кладоискатели, суровые землепроходцы,
Любители лимонада, сами себе полководцы!
Тычьтесь, пока не поздно, мордою в мякоть арбуза!
Позванивают и побулькивают ваши веселые пуза.
Вам ли товарищ, скажите, вам ли, скажите, кореш
Гадкий утенок зализанный, комнатный этот заморыш!
Воздух морей — полезней! Воздух лесов — полезней!
Дерево — доктор, а листик — лучший рецепт от болезней.
Карабкайтесь в горы, ребята, хватайте струю водопада,
Шатающуюся у ног,
Как всаженный в землю клинок!
(Ветер пузырит рубаху.
Солнце стоит в зените.
По-лягушачьи с размаху
В пену морскую летите!)
Где-то заливы и заводи. Где-то Стамбул и Афины.
Морем до самого полюса фыркающие дельфины!
В сторону, в сторону шуточки! Этот рыбак знаменитый
Ловит антенною удочки подводную песню ставриды.
Кработорговцы, ныряльщики, донных ракушек владельцы,
Храбрые красногвардейцы, таинственные индейцы,
Грядущие космонавты, солнцем дубленые шкуры,
Будьте здоровы, дети! Славлю вас, бедокуры!

ХОЧУ Я В ГОРЫ

Хочу я в горы, в горы, в горы,
Где молодые облака
Рождаются у ледника.
Я не в беде ищу опоры,
Мне жизнью были эти горы,
Мне снятся влажные луга.

Хочу туда, где водопад
Летит, как брошенный канат,
Качаясь на лету,
Где, как раздавленный гранат,
Закат течет по льду.

Туда, где лавровишен грозди,
Глаза чумазные скосив,
Глядят без робости в обрыв,
Где пастухи играют в кости,
На камне бурку расстелив.

Хочу я в горы возвратиться,
Хочу я видеть, как волчица
Скулит от ярости и ран,
Когда, клыки ломая, тщится
Железный перегрызть капкан.

А дым бродяжий? Невесомо
Клубится, обживая кряж...
Знакомый, сызмальства знакомый,
Стократ родней родного дома
Пропахший ельником шалаш!

Там над огнем, стекая жиром,
С шипеньем капят на дрова
Круги задымленного сыра,
Тяжелые, как жернова.

Там пастухи коров мычащих
И вымя, как пудовый плод,
По травам и цветам влачащих
К загонам гонят через чащи,
Через речной холодный брод.

Друзья, я с вами. И без клятвы
Мы слово держим, как топор.
А наши нервы крепче дратвы.
Верны мы сердцем сердцу гор.

Я к вам приду. Приду не в гости,
Пройдя охотничью тропу
От мелкой дружбы, мелкой злости
В большую, трудную судьбу.

И пусть, дыша в лицо мне жарко,
Распахивая мордой дверь,
На грудь мне кинется овчарка...
Я узнаю! Лучшего подарка
Не надо. Скручена сигарка.
Легко, спокойно мне теперь.

БУЙВОЛЫ

Буйволы по берегу крутому
Всем своим семейством толстокожим
В полдень потянулись к водоему,
Входят в воду, выбирают ложе.

Тяжелее броненосных глыб,
Черные, лоснясь до синевы, —
Над водою лишь рогов изгиб
Да сопение жующей головы.

Вот лежит недвижно и угрюмо
Стадо молчаливых работяг.
Нравятся мне эти тугодумы
За медлительный, но твердый шаг.

За характер, не гадающий заранее —
Камни ли ворочать, в горы ль, в грязь.
Много людям сделали добра они,
Перед ними не ласкаясь и не льстясь.

Им под стать, где трактор не пройдет,
Землю выпахать и, встретивши врага,
Защищаться, выставив вперед
Узловатые гранитные рога.

Пусть медлительны в работе буйволицы,
Их доить дояркам нелегко,
Но зато в подойники струится,
Как смола, густое молоко.

Каждый день по берегу крутому,
В полдень появляясь неизменно,
Буйволы проходят к водоему,
Отработав утреннюю смену.

ЛЕТО

Першит от влажной соли в глотке.
А ну, еще один рывок!
Я пришвартовываю лодку,
Я выхожу на старый док.

Вокруг хохочущее лето.
Мальчишек славная орда.
От наслаждения, от света
Лениво щурится вода.

Над поплавками, свесив ноги,
Усевшись поудобней в ряд,
Пенсионеры, как йоги,
Сомнамбулически молчат.

А это что? На солнце нежась,
Лежит девчонка над водой.
Ее обветренная свежесть
Прохладой дышит молодой.

Девчонка, золотая жилка,
Отчаянная несудьба,
Твоя монгольская ухмылка
Еще по-девичьи груба.

Другому нянчиться с тобою,
На перекрестках сторожа.
А я бросаюсь в голубое,
Где стынет медленно душа.

Ныряю. Скал подводных глыбы,
Знакомый с детства тайный лаз.
У глаз мелькнул какой-то рыбы
Не очень удивленный глаз.

Над сваей ржавой и зеленой
Я гроздь мидий отыскал.
Сдирая до крови ладони,
Срываю мидии со скал.

Но вот, как бы огретый плеткой,
Вынырываю по прямой,

Швыряю раковины в лодку
И отдыхаю за кормой.

Огромный, добрый и соленый,
Из голубых, из теплых вод
Промытым взором освеженный,
Мир незахвачанный встает.

Глазами жадно обнимите
Добычу мокрую ловца!
Напоминает груда мидий
Окаменевшие сердца.

Но, створки жесткие раздвинув
Прямым охотничьим ножом,
Я, к небу голову закинув,
Глотаю мидии живьем.

Еще останется на ужин,
На летний ужин у крыльца,
В конце концов, не без жемчужин
Окаменевшие сердца.

ПАРЕНЬ С МОТЫГОЙ

Откинув ситцевую блузу,
По пояс оголен, черняв,
Мотыжил парень кукурузу,
По телу солнце расплескав.

Он над обрывом шел по круче,
Ломая землю и дробя,
К дубку корявому на случай
Веревкой привязав себя.

Как бы веревке той противясь,
Он двигался за пядью пядь,
Но не могла тугая привязь
Его движения связать.

А пот зернистый и обильный,
Густой, струящийся с трудом,
Он отжимал ладонью пыльной
И стряхивал со лба рывком.

Вцепясь корнями в грунт тяжелый,
Выравниваясь не спеша,
Тянулись к небу новоселы,
Листовою плотною шурша.

...Каким неистовством натуры
Он был от роду наделен,
Чтоб оседлать медвежий, турий,
К чертям сползающий уклон!

Землею мокрою завален,
Упорный, яростный, босой,
В самозабвенье гениален,
Как Леонардо и Толстой.

ПАРЕНЬ С ЯСТРЕБОМ

Он идет травой колкой
От дороги в стороне.
Кверху клювом перепелки
Вздрагивают на ремне.

Ястреб взглядом диковатым
Озирает мир, крича,
С головы его лохматой,
Как с вершины кедрача.

Вот курчавый виноградник,
Вот и домик угловой.
Там веселый палисадник
Убран девичьей рукой.

Он с заминкой свистнул тонко,
Опершись о городьбу,
И на свист его девчонка
Выбегает на тропу.

Легкая, летит, как пчелка,
Бросив книгу на окне,
И на лбу трясется челка,
Современная вполне.

Молода да тонкоброва,
С чайником летит она
Молодого, молодого,
Молодецкого вина.

И почти без передышки,
Зарумянившись лицом,
Поит малого из крышки,
Сполоснув ее винцом.

Парень пьет из этой чаши.
Успевай лишь подносить!
— Хорошо вино, да вяжет...
Чем бы сладким закусить?

Чем бы сладким? — белозубый
Улыбается нахал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)